

Майкл Пьюэтт
Кристина Гросс-Ло

ПУТЬ

чему нужно научиться
у древних китайских
философов

Кристина Гросс-Ло

**Путь. Чему нужно научиться у
древних китайских философов**

Издательство «Синдбад»

2016

Гросс-Ло К.

Путь. Чему нужно научиться у древних китайских философов /
К. Гросс-Ло — Издательство «Синдбад», 2016

ISBN 978-5-00131-090-7

Многие из нас рано или поздно ловят себя на мысли, что с нашей жизнью что-то не так. Нам с детства внушают, что выживают сильнейшие, что полезно быть эгоистом и ставить свои желания превыше всего. Мы стремимся к успеху, искренне веря, что счастье обязательно наступит, когда мы достигнем поставленных целей. Но вот парадокс: мы становимся только несчастнее, на смену краткосрочной радости приходит неудовлетворение. На первом занятии по классической китайской философии профессор Майкл Пьюэтт обещает студентам, что «этот курс изменит их жизнь». И так оно и происходит, иначе его курс не стал бы одним из самых популярных в Гарварде. Лекции Майкла Пьюэтта легли в основу книги «Путь», которая открывает читателю преобразующую силу китайской философии, делая ее идеи доступными для применения в повседневной жизни. В отличие от жизненного плана, который навязывает Западная культура, Восточная предлагает путь, полный самосовершенствования и самосознания. Ведь для начала достаточно изменить способ общения с миром и уделять больше внимания тому, что нас радует и помогает стать лучше.

ISBN 978-5-00131-090-7

© Гросс-Ло К., 2016

© Издательство «Синдбад», 2016

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
1	9
2	13
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Майкл Пьюэтт, Кристина Гросс-Ло

Путь

Чему нужно научиться у древних китайских философов

Michael Puett, Christine Gross-Loh

THE PATH

What Chinese Philosophers

Can Teach Us About The Good Life

Copyright © 2016 by Michael Puett and Christine Gross-Loh

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2018.

*Джей Ди, Сюзан, Дэвиду, Мэри, Брэннону,
Коннору и Мэг.*

М. П.

Бенджамину, Дэниелу, Миш и Аннабель.

К. Г.-Л.

*Человек расширяет Путь, а не Путь человека.
Конфуций. «Лунь юй»*

Предисловие

Кристина Гросс-Ло

Одним свежим и солнечным осенним утром 2013 года я слушала в Гарварде лекцию по китайской философии. Моей задачей было написать для журнала *Atlantic* статью о том, почему бакалаврский курс, посвященный столь эзотерическому предмету, стал в университете третьим по популярности после предсказуемых лидеров – «Введения в экономическую теорию» и «Информатики».

Со сцены театра Сандерс к аудитории, насчитывавшей более семисот слушателей, вдохновенно обращался профессор Майкл Пьюэтт, высокий энергичный мужчина чуть моложе пятидесяти. На лекциях, об увлекательности которых ходят легенды, он не пользуется ни записями, ни слайдами – все пятьдесят минут просто говорит. Студентам задают лишь читать переведенные труды самих мыслителей – «Лунь юй» Конфуция, «Дао дэ цзин», сочинения Мэн-цзы. Им вовсе не обязательно обладать солидным багажом знаний по китайской истории и философии или питать к этой теме давний интерес; все, что от них требуется, – это открытость и желание познакомиться с древними текстами. Визитная карточка курса – смелое обещание, которое профессор дает на первом занятии: «Если вы серьезно отнесетесь к идеям этих текстов, они изменят вашу жизнь».

Поскольку в Гарварде я защищалась по истории Восточной Азии и, будучи аспиранткой, преподавала китайскую философию, материал был для меня не нов. Однако, слушая Майкла в тот день и в течение последующих недель, я поражалась тому, как он вдыхает в знакомые идеи новую жизнь. Он просит не только вдумываться в слова философов, но и не спешить отмахиваться от них, даже если они противоречат вашим базовым представлениям о себе и мире.

О китайской философии Майкл рассказывает по всему миру. После выступления к нему неизменно подходят слушатели, которым интересно, как идеи, о которых они узнали, можно приложить к взаимоотношениям, карьере, семье. В концепциях древних мыслителей люди улавливают свежий взгляд на то, что такое правильная, содержательная жизнь, – взгляд, ставший под сомнение немало истин, казавшихся непреложными.

Многим это помогает сделать шаг вперед. Слушатели Майкла обсуждали со мной перемены, которые произошли в их жизни после лекций. Некоторые признавались, что увидели отношения между людьми в новом свете, осознав, как незначительные, казалось бы, поступки человека сказываются на нем и на тех, кто с ним рядом. Как объяснил один студент: «Профессор Пьюэтт научил меня по-новому взаимодействовать с окружающим миром, управлять эмоциями и относиться к себе и другим с таким спокойствием, какого я никогда раньше не испытывал».

Эти успешные молодые люди, имеющие все шансы стать лидерами вне зависимости от дела, которому решат себя посвятить, рассказывали, как идеи китайской философии изменили их подход к жизни и дали им новые ориентиры. Будущие экономисты или антропологи, юристы или врачи, они обрели особый инструментарий и иное мировоззрение, чем то, в котором были воспитаны, и теперь по-другому видят смысл жизни и ее бесконечные возможности. Как сказал один из студентов: «Самое простое – следовать современной установке, что надо добиваться определенной цели и ступенька за ступенькой подниматься к некой конечной мечте – будь то должность или место в жизни. И вдруг оказывается, что достаточно попробовать жить иначе, и перед тобой откроются возможности, о которых ты даже не подозревал».

Слушателей вдохновляют не только древние тексты, но и сам Майкл. Его знают как доброго и скромного человека, неустанно помогающего ученикам раскрывать свой потенциал, и

эти качества – прямое следствие его многолетнего погружения в мир китайской мысли. «Он олицетворяет эту философию», – подытожила одна студентка.

Но в чем же секрет столь мощного воздействия этих философских систем? Ни одна из них не призывает «принять» или «обрести» себя и не дает пошаговых инструкций для достижения конкретной цели. По сути, они прямая противоположность такому мышлению. В них нет ни четких рамок, ни директив, ни особых претензий. Взамен вам предлагают всего лишь сделать первый маленький шаг навстречу удивительным и непредсказуемым изменениям. Один из слушателей Майкла признался, насколько свободнее почувствовал себя, когда понял, что наши якобы врожденные, неотторжимые свойства вовсе таковыми не являются: «Мы можем приобретать новые навыки и менять свое мировосприятие, иначе реагировать на мир и окружающих. Я понял, что силу привычки, или «ритуала», можно направить на достижение того, что в свете прежних представлений о себе казалось невозможным».

Долгое время мы смотрели на китайскую философию свысока, считая ее частью «традиционного» мира и, следовательно, не имеющей никакого отношения к нашей современной жизни. Но студенты Майкла подтвердят: учения древних мыслителей заставляют усомниться во многом из того, что мы считали само собой разумеющимся. Их идеи об отношении человека к миру – о том, как он уживается с другими людьми, принимает решения, справляется с успехами и неудачами, пытается влиять на окружающих, выбирает образ жизни, – за две тысячи лет ничуть не устарели. Более того, сейчас они актуальны как никогда.

Осознав, что мысли китайских философов могут найти отклик в каждом из нас, мы с Майклом решили написать эту книгу. На ее страницах мы покажем, как, опираясь на древнюю мудрость, можно научиться думать непредвзято и по-новому посмотреть на себя и свое будущее.

Введение

Конфуций. Мэн-цзы. Лао-цзы. Чжуан-цзы. Сюнь-цзы. О каких-то из этих мыслителей вы, возможно, знаете; о других, вероятно, никогда не слышали. Один был учителем иерархического склада, посвятившим жизнь воспитанию небольшой когорты последователей. Другой скитался по царствам, наставляя местных правителей. О третьем говорили, что он был богом. Их судьбы и сочинения кажутся нам загадочными и бесконечно далекими от современной жизни.

В самом деле, разве могут китайские философы, жившие более двух тысяч лет назад, научить нас, сегодняшних, искусству жизни? Даже если вы иногда задумываетесь о них, они наверняка представляются вам безмятежными мудрецами, изрекающими благодушные банальности о гармонии и природе. Мы же ведем динамичный, свободный, современный образ жизни. Наши ценности, нравы, технологии и культура совершенно не такие, как у них.

Но если вчитаться и вдуматься в эти необычные тексты эпохи классического Китая, то мы обнаружим у каждого из упомянутых мыслителей свой, во многом парадоксальный взгляд на то, как сделать лучше себя и мир – способный, возможно, преобразить наши жизненные установки. Эта книга – прежде всего о том, что у древнекитайских мыслителей, чьи повседневные проблемы мало чем отличались от наших, можно научиться кардинально новым подходам к тому, как хорошо – благородно и счастливо – прожить свою жизнь.

Большинство из нас убеждены, что для этого в первую очередь следует взглянуть в свой внутренний мир, найти себя и уж потом решить, чего мы хотим. Мы взвешиваем, какая профессия лучше всего сочетается с нашим характером и наклонностями. Представляем, какими качествами должен обладать наш партнер. И полагаем, что, если найдем все это – истинное «я», призвание и вторую половинку, – жизнь сложится благополучно. Что, лишь лелея это «я», мы добьемся счастья, процветания и исполнения всех желаний.

Не все знают, что формула успеха была такой не всегда. Она восходит к шестнадцатому веку, когда французский богослов Жан Кальвин выдвинул концепцию предопределения, избранности и «замысла Господнего», во исполнение коего сотворены все живые существа. Кальвинисты отвергали ритуал, считая его пустой, изжившей себя формальностью, и ратовали за искреннюю веру в высшее божество. Сегодня мы давно уже не рассуждаем в категориях избранности и предопределения, а некоторые из нас и в Бога не верят. Однако наш теперешний ход мыслей во многом остается наследием раннего протестантизма.

Сегодня многие верят, что каждый обязан быть уникальной и глубоко себя познавшей личностью. Мы стремимся к подлинности, ищем истину, пусть уже не в высшем божестве, а в себе самих. Однако наша цель прежняя – стать тем, кем нам было «предназначено».

Но что, если эти представления, призванные вроде бы помогать нам, на самом деле нас только ограничивают?

Слово «философия» многих пугает и отталкивает – сразу представляется что-то абстрактное, а порой неприменимое практически. Но преимущество философских систем, о которых пойдет речь в этой книге, в том, что они иллюстрируют свои тезисы простыми и осязаемыми примерами из повседневности. Ибо китайские мудрецы полагали: большие перемены и счастливая жизнь начинаются именно с будничных мелочей.

Мы надеемся, что вы позволите этим философам поставить под сомнение некоторые из ваших самых заветных убеждений. Что-то из их идей ясно на интуитивном уровне, что-то потребует известных усилий. Мы не ждем, что вы согласитесь со всем, что прочтете. Но само знакомство с концепциями, столь непохожими на наши, позволяет понять, что наши представления о правильной жизни – всего лишь один из множества возможных вариантов. Осознав это, вы уже не сумеете жить как прежде.

1

Век самонадеянности

Сегодня общепринятое представление о прошлом выглядит примерно так. До девятнадцатого столетия люди жили в так называемых традиционных обществах, где им постоянно указывали, что делать. Социальный строй решал их судьбу: родился крестьянином – навсегда останешься крестьянином; родился аристократом – аристократом и умрешь. От семьи, в которой человек появлялся на свет, зависело, сколько денег и власти у него будет, а значит, его жизненный путь оказывался определен с самого рождения.

Но все изменилось: в девятнадцатом веке европейцы наконец вырвались на волю. Мы впервые осознали: каждый из нас – отдельная разумная личность. Мы сами можем принимать решения и распоряжаться своей жизнью. Будучи существами рациональными, мы способны построить мир беспрецедентных возможностей. День, когда мы это поняли, стал первым днем современности.

Впрочем, вырваться сумели не все. Другие культуры, как нам кажется, отстали. Многие видят в классическом Китае яркий пример традиционного общества, где каждый обязан исполнять строго определенную социальную роль, чтобы не нарушать упорядоченной иерархии.

Получается, у такого общества нам учиться нечему.

Правда, иногда подобное понимание традиционного уклада в целом и Китая в частности приобретает романтический флер: «Не в пример нам, отчужденным даже друг от друга, люди традиционной культуры стремились к гармонии с космосом. Мы вырвались из естественного мира и норовим укротить его и подчинить себе, а они старались жить в соответствии с законами и ритмами природы».

Но и от этого сентиментального взгляда на традицию прока тоже немного. Он лишь дополняет общепринятое мнение ностальгическими этюдами. Мы можем подойти в музей к египетской мумии и подумать: «Занятно». Древнекитайский артефакт? «Необычно». Посмотреть, конечно, интересно, но вернуться в то время – в мир, который олицетворяют эти экспонаты, – что-то не тянет. Нам незачем жить в традиционных обществах и чему-то учиться у людей древности, таких несовременных. Ведь это *мы*, а не они наконец поняли, что к чему.

Однако, как мы вскоре выясним, многие из наших стереотипных представлений о «традиционном» укладе глубоко ошибочны. И прошлое может многому нас научить.

Наше представление о прошлом опасно не только тем, что из-за него мы отвергаем огромный отрезок истории как устаревший и ненужный. Страшно, что мы верим, будто лишь современному человеку удалось стать хозяином своей жизни, и потому главенствующие идеи современности являются единственно верными.

На самом же деле концепций, в которых человеку отводится роль творца собственной судьбы, великое множество. Осознав это, мы увидим, что «современность» – всего лишь одно из возможных мировоззрений, обусловленное местом и временем. Нам откроется целая вселенная мысли – и поставит под сомнение кое-какие из дорогих нашему сердцу мифов.

Миф: Мы живем в эпоху невиданной свободы

Большинство из нас полагает, что мы, в отличие от предков, по сути свободны. После того как в девятнадцатом веке Запад порвал с традиционным укладом, мы наконец-то получили возможность наводить в мире свои порядки. Два столетия мы провели в схватке соперничающих идеологий: социализма, фашизма, коммунизма и демократического капитализма. А когда все эти идеи (кроме одной) в целом себя дискредитировали, наступил «конец истории».

После падения Берлинской стены в 1989 году неолиберализм как будто завоевал право называться единственно верной моделью мирового устройства – такой, при которой люди лучше всего живут и развиваются.

Но как в таком случае быть с самодовольством, унынием и тревогой, охватившими развитые страны? Нам твердят, что упорный труд ведет к успеху, однако пропасть между богатыми и бедными растет с пугающей скоростью, а социальные лифты работают все хуже. Мы окружили себя всевозможными удивительными устройствами, достигли беспрецедентных успехов в медицине – и в то же время спровоцировали чудовищные экологические и гуманитарные кризисы. За несколько десятилетий наш оптимизм испарился. Былой веры в правильность избранного пути уже нет.

Так во многом ли мы разобрались? Будут ли историки, оглядываясь на нашу эпоху, называть ее эпохой процветания, равенства, свободы и счастья? Или же назовут начало двадцать первого столетия эпохой самонадеянности – временем, когда люди были несчастливы и разочарованы; когда на них обрушивались кризисы, а они ничего не могли поделать, потому что не видели реальной альтернативы?

Между тем китайские философы ее предлагают. Но это не стройные идеологические системы, претендующие, скажем, на альтернативу демократии, а парадоксальные мысли о нашем «я» и его месте в мире. Причем многие из них развились как раз в противовес идее единого, «правильного» мировоззрения, в соответствии с которым нужно строить жизнь.

Бурное развитие философских и религиозных течений, происходившее в Евразии примерно с 600 по 200 год до н. э., породило огромное разнообразие концепций процветания. В этот период, названный впоследствии Осевым временем, многие из идей, зародившихся в античной Греции, параллельно появились в Китае, и наоборот. Более того, мы увидим, что некоторые системы взглядов, сложившиеся в Китае тех лет, имеют много общего с достижениями современной западной мысли. Только на китайской почве они не прижились, и на смену им пришли другие концепции, предлагающие другие рецепты правильной жизни.

Поэтому не следует противопоставлять «китайские» идеи «западным» или «традиционные» – «современным». По мере изучения древнего философского наследия мы не только увидим, что вопрос об оптимальном устройстве мира занимал человека задолго до наступления современной эпохи, но также убедимся, что кроме нашего представления о достойной жизни и путях ее достижения есть и другие.

Миф: Мы знаем, как определять направление нашей жизни

На Западе нас учат планировать счастье и успех, полагаясь на логику; мы убеждены, что, если рассчитать все в деталях, решение обязательно найдется. Перед лицом неизвестности мы утешаемся верой, что, преодолев эмоции и пристрастия и ограничив свой опыт исчисляемыми данными, мы обуздаем случай и победим судьбу. Посмотрите, как мы обычно подходим, скажем, к морально-этическому выбору: выстраиваем гипотетическую ситуацию и подвергаем ее рациональному анализу. В известном мысленном эксперименте нам предлагают представить, будто мы находимся в депо и видим, что по рельсам несется неуправляемая вагонетка, которая вот-вот задавит пятерых привязанных к рельсам человек. Есть возможность перевести стрелку и пустить вагонетку по другому пути, где она наедет на одного человека. Будем ли мы стоять и смотреть, как вагонетка давит пятерых, или переведем стрелку, чтобы спасти их, – и убьем того, кто на запасном пути?

Как поступить?

Авторитеты в области философии и этики бьются над этим вопросом десятки лет. Написано несчетное количество эссе и даже пара книг. Предлагаемый в них сценарий позволяет

нам, постепенно сокращая количество возможных вариантов, выбрать единственное решение. Большинство из нас полагает, что решения именно так и принимаются.

В классическом Китае тоже пробовали ставить подобные умозрительные эксперименты. Но наши китайские мыслители проявили к ним куда меньший интерес. Занятая интеллектуальная игра, заключили они, но в такие игры можно играть с утра до ночи, и они никак не повлияют на вашу повседневность. Ни в коей мере.

Наши представления о том, как мы живем, не соответствуют тому, как мы живем на самом деле. И решения мы принимаем не иначе, чем нам это видится. Даже если вы однажды попадете в депо за несколько мгновений до чьей-то смерти под колесами вагонетки, ваша реакция не будет иметь ничего общего с рациональным расчетом. В таких ситуациях мы повинемся инстинктам и эмоциям, и они же руководят нашими менее спонтанными решениями, даже если нам кажется, что мы действуем взвешенно и рационально. Что съесть на ужин? Где поселиться? На ком жениться / за кого выйти замуж?

Видя ограниченность рационального подхода, китайские философы искали ему альтернативу. Решение, которое они для себя нашли, состоит в следующем. Нужно оттачивать инстинкты, облагораживать эмоции и непрерывно находиться в процессе саморазвития, чтобы в итоге на каждую ситуацию, критическую или будничную, реагировать адекватно и этично. Подобная реакция вызывает положительный отклик у тех, кто нас окружает. Таким образом, по мнению китайских мыслителей, каждая встреча и каждое переживание дает нам возможность строить новый, лучший мир.

Миф: Правда о том, кто мы такие, заключена в нас самих

После крушения теократических институтов людям Осевого времени пришлось искать новые источники истины и смысла. Похожие поиски идут и в наш век, поскольку нам тоже стало тесно в устаревших шаблонах мышления. Нам все настойчивее твердят, что высшая истина сокрыта в нас самих. Теперь состоявшемуся человеку полагается «найти себя» и жить «подлинной жизнью», в согласии с внутренней истиной.

Опасность в том, что мы верим, будто каждому под силу распознать, в чем его «подлинность», и готовы ограничивать себя в соответствии с ней. Вкладывая столько сил в самоопределение, мы рискуем построить свое будущее на весьма шатком представлении о том, кто мы такие, – на предположениях о своих сильных и слабых сторонах, симпатиях и антипатиях. Китайские мыслители могли бы заметить, что в таком ракурсе мы видим лишь малую часть своего потенциального «я». Мы берем определенное количество эмоциональных наклонностей, ограниченных местом и временем, и делаем из них ярлык на всю жизнь. Представляя человеческую природу монолитной, мы уже одним этим ограничиваем свой потенциал.

Многие китайские философы не согласились бы, что вы единая и неделимая сущность, и посоветовали не думать о себе в таком ключе. Допустим, вы считаете, что у вас вспыльчивый характер и вас легко разозлить. Мыслители, с которыми мы скоро познакомимся, сказали бы, что вам не стоит повторять: «Такой уж я человек» – и принимать себя в данном качестве. Вполне возможно, что злость не является вашей врожденной чертой. Вероятно, вы просто попали в некую поведенческую колею и теперь она определяет ваше представление о себе. На самом деле шансов быть благодушным и снисходительным у вас ничуть не меньше, чем злиться на все на свете.

Китайские мудрецы призвали бы нас признать, что мы многогранны и постоянно меняемся. В каждом человеке сочетается множество разных, зачастую противоречивых склонностей, желаний и предрасположенностей к тем или иным реакциям. Наш эмоциональный облик формируется, когда мы смотрим *наружу*, а не внутрь себя. Он не меняется, когда вы отгораживаетесь от мира, чтобы помедитировать, или уезжаете в отпуск. Его определяет ваша

повседневная жизнь: то, как вы общаетесь с людьми и выполняете привычные дела. Поэтому неправильно говорить, что мы таковы, какие есть: ведь мы в состоянии неустанно совершенствоваться.

Разумеется, это задача не из простых. Она требует по-новому взглянуть на свои возможности и на то, как происходят настоящие перемены. К тому же с наскока ее не решить – успех приходит постепенно и только к настойчивым. Мы меняемся, когда приучаем себя расширять сознание, чтобы улавливать все факторы в их хитросплетении (например, отношения, в которые мы вовлечены, круг, к которому мы принадлежим, профессию, должность и прочие обстоятельства), определяющие любую конкретную ситуацию, и постепенно трансформировать способы взаимодействия со всем, что нас окружает. Такое объемное восприятие позволяет нам вести себя так, чтобы шаг за шагом приближать настоящие перемены.

Считается, что истинная свобода приходит, когда мы открываем собственную сущность, но многие попадают в ловушку этого «открытия» Века самонадеянности. И сами связывают себе руки.

Значит ли это, что план, по которому мы выстраиваем жизнь и мировой порядок, нужно кардинально менять? Вовсе нет. Философы, знакомство с которыми нам предстоит, нередко иллюстрировали свои мысли прозаичными бытовыми моментами, подчеркивая, что большие перемены начинаются с будничных мелочей. Следуя примеру мудрецов и стремясь придать наглядность их идеям, мы тоже включили в нашу книгу много примеров из повседневности. Отметим, однако, что мы, как и китайские философы, не считаем эти иллюстрации практическими советами на каждый день. Напротив, они призваны показать, что мы и так уже делаем немало, но делаем недостаточно хорошо. Достаточно переосмыслить эти аспекты собственной жизни, чтобы понять, насколько практичны и выполнимы идеи, о которых мы говорим.

Название нашей книге дала концепция, названная китайскими философами словом «Дао», или Путь. Путь – это не гармонический «идеал», к которому следует стремиться. Это дорога, которую мы изо дня в день прокладываем нашими решениями, действиями и отношениями. Каждую секунду мы заново творим Путь.

Правда, единого для всех мыслителей представления о Пути не существовало. Хотя никто из них не принимал расхожих предрассудков своего времени, но их взгляды на то, как именно следует пролагать свою дорогу, разительно отличались. Сходились мудрецы лишь в том, что сам процесс прокладывания Пути позволяет нам безгранично совершенствовать себя и мир, в котором мы живем.

2

Век философии

Загляните в любой крупный художественный музей, и вам откроются россыпи экспозиций: Месопотамия. Древний Египет. Древняя Греция. Римская империя. Средневековая Европа. Современная Европа. Витрины ломятся от великолепных экспонатов, и вы по порядку переходите из зала в зал, прослеживая путь цивилизации. Потом, если есть желание, перебираетесь в другое крыло и гуляете по выставкам, посвященным Индии, Японии или Китаю.

Такой порядок заведен не только в современных галереях, но и в головах. Для нас мировая история – это история отдельных цивилизаций, которые развивались независимо друг от друга.

А теперь представьте другой музей, в котором экспонаты расставлены исключительно по хронологическому принципу. Тут в одной экспозиции мирно уживаются, к примеру, римские серебряные динарии, бронзовые деньги китайской династии Хань и «дырявые» монеты индийской империи Маурьев. И вы тут же замечаете, что, несмотря на огромные расстояния между очагами трех основных цивилизаций, все три примерно в одно и то же время претерпели удивительно похожие изменения: стали империями и завели денежную систему. Пройдя на несколько столетий вперед, вы находите в зале раннего Средневековья предметы культа и фрагменты архитектурных сооружений христиан, мусульман и буддистов. Они ярко иллюстрируют факт, что в рамках одного исторического периода все основные мировые религии распространялись по торговым путям, соединявшим Китай, Индию и Средиземноморье. Такая выставка передавала бы ход истории намного точнее, ведь Европа и Азия всегда были взаимосвязаны.

Многие думают, что глобализация – это исключительно современный феномен: технический прогресс и появление воздушного транспорта положили начало новой эре, в которой общества, жившие изолированно друг от друга, получили наконец возможность общения. Но если это так, почему в одно и то же время (приблизительно 2,5 тысячи лет назад) Конфуций, Сократ и Будда, живя на огромном расстоянии друг от друга и разговаривая на совершенно непохожих языках, задавались одинаковыми философскими вопросами? Дело в том, что круговорот идей, инноваций и технологий продолжается в мире уже очень давно. И социальные катализаторы, действовавшие на Конфуция, Сократа и Будду, были весьма сходны.

Чтобы понять, отчего разгорелись философские дебаты и почему мыслителей занимали такие похожие проблемы, необходимо проникнуться живой, многоцветной культурой, к которой они принадлежали и в рамках которой развивались их идеи.

Европейцы девятнадцатого столетия были не первыми, кто считал, что вырвался из-под гнета прошлого и вступил в совершенно новую эпоху. История человечества знает немало подобных прорывов. Один из наиболее значительных произошел в Евразии в середине первого тысячелетия до нашей эры.

В тот переломный период началось падение родового строя эпохи бронзового века – строя, который в течение двух тысяч лет господствовал в Евразии, не позволяя передавать богатство и власть иначе чем по наследству. На руинах распавшихся государств зарождались новые формы правления – от радикальной демократии в Греции до централизованных бюрократий в Китае. Эти новые политические эксперименты способствовали социальной мобильности. Кроме того, на фоне вызванных ими колоссальных общественных преобразований рух-

нули религиозные институты, составлявшие неотъемлемую часть прежних аристократических культур.

Как следствие, новые религиозные и философские течения стали появляться по всей Евразии точно грибы после дождя. В классической Греции наступил век Сократа, Платона и Аристотеля, а также пифагорейцев и орфиков. В Индии в те же годы возник джайнизм и, самое главное, явился Будда. А в Китае это была эпоха Конфуция, Мэн-цзы и других философских и религиозных течений, которых мы коснемся в нашей книге. Все эти мыслители жили примерно в одно время. И все задавались вопросами, возникающими, когда рушится общественный порядок: *как управлять государством? Как построить мир, в котором у каждого есть возможность преуспеть? Чему посвятить свою жизнь?*

И все бились над проблемами, мало чем отличающимися от наших нынешних.

Осевое время закончилось, когда в последние столетия до нашей эры в Евразии образовалось несколько мощных империй. В противовес им в первых веках нашей эры по материку распространился ряд «религий спасения»: христианство, манихейство, махаяна, даосизм, позднее – ислам. А спустя несколько столетий во многих областях Евразии, и особенно в Европе, период философских и религиозных исканий завершился падением империй и возвращением к аристократическому правлению.

Невзирая на географическую удаленность, последствия Осевого времени в разных странах оказались удивительно схожими. Нет никаких подтверждений, что Конфуций, Будда и греческие философы знали хотя бы о существовании друг друга, не говоря уже об идеях. Тем не менее примерно к 500 году до н. э. основные философские течения разрозненных частей Евразии объединяла вера в то, что мир должен измениться.

В бронзовом веке большинство людей не видело возможности изменить ход своей жизни, но теперь, с усилением социальной мобильности, у них зародилась мысль, что блага, которыми пользуются немногие, могут и должны стать доступны всем, а не только горстке избранных.

С другой стороны, люди сознавали, что живут в эпоху глубокого кризиса. Этот исторический период отмечен непрекращающимися войнами, особенно в Греции, Северной Индии и на Великой Китайской равнине – как раз там, где позже возникли главные философские и религиозные течения. В этих областях преобладало ощущение, что человечество сбилось с пути, отказавшись от правил поведения, которые позволяли мирно сосуществовать. Греческий поэт Гесиод, уловив дух эпохи, сетовал, что живет в эпоху разрушенных отношений: отцы не находят общего языка со своими отпрысками, дети не заботятся о пожилых родителях, братья враждуют, а народ воздает почет «наглецу и злодею».

В разгар этого социокультурного кризиса начали зарождаться новые религиозные и философские течения. Одни призывали к уходу от общества и созданию альтернативных поселений на основе полного отрицания насилия. Другие упирали на бренность грешного земного мира, уверяя, что за его пределами есть некая высшая реальность.

Течения, распространившиеся по Великой Китайской равнине, тоже содержали идею альтернативных миров. Однако в данном случае решение виделось не в уходе от общества или в уповании на трансцендентные сферы, а в преобразовании будничного уклада жизни.

Для такого внимания к повседневности были свои исторические предпосылки. На смену аристократическим обществам бронзового века на территории Великой Китайской равнины пришли государства под управлением интеллектуалов, не принадлежавших к знати и получавших высокие посты за заслуги, а не по праву рождения. Все больше и больше людей стремилось получить образование в надежде пробиться в эти бюрократические структуры и поднять свой статус. Выучившись, они начинали понимать, насколько плачевно обстоят дела в их мире, и задумывались над тем, как жить по-другому. Большинство последователей новых религиозных и философских течений Китая составляли как раз представители этого растущего образованного класса.

Возьмем, к примеру, Конфуция. Этот великий философ жил во времена заката Чжоу – последней великой династии бронзового века. Чжоу, могущественный аристократический род, главенствовал над остальными знатными кланами, поскольку обладал «небесным мандатом». В Древнем Китае Небо считали божеством, которое доверяет самому добродетельному дому управлять страной до тех пор, пока род остается добродетельным. До девятнадцатого столетия очень похожая ситуация была и в странах Европы, где знатнейшие дворянские семьи властвовали по праву «Божьих помазанников».

Конфуций был свидетелем того, как правящие дома лишались власти. Упадок переживал не только род Чжоу, но и остальные кланы. Заявить права на новый мандат было некому.

В образовавшемся политическом вакууме на политическую сцену выдвинулись фигуры типа Конфуция. Сам Конфуций занимал ряд невысоких официальных должностей, а потом сосредоточился на обучении следующего поколения тех, кто тоже стремился сделать чиновную карьеру.

Сегодня конфуцианство у многих ассоциируется с жесткой сословной иерархией, строгим распределением гендерных ролей и консервативным упором на правильном поведении – впечатление, отчасти сложившееся под влиянием позднейших толкований. В главной книге конфуцианства – «Лунь юй» – Конфуций вовсе не выглядит ни апологетом контроля за людьми, ни разработчиком какой-либо последовательной идеологии. Напротив, мы видим философа, который пытается создавать миры, где люди процветали бы. Причем создавать «здесь и сейчас», просто меняя способ взаимодействия с окружающими.

Конфуций считал, что на заре династии Чжоу, примерно за пятьсот лет до его рождения, царила великая эпоха процветания. Ему представлялось, что люди, правившие в ту пору, совершенствовали себя и стали настолько добродетельными, что сумели сделать мир вокруг себя лучше. Он хотел пойти по их стопам: создать мир, в котором его ученики могли бы преуспевать, а кто-нибудь из них, возможно, построил бы более крупную социальную структуру, позволяющую благоденствовать большему количеству людей.

Другие философы, которых мы встретим в этой книге, тоже вышли из горнила перемен. Все они, подобно Конфуцию, находились в оппозиции к современному им обществу и активно искали в жизни новые, интересные пути. Все твердо верили, что каждый человек обладает равными возможностями для роста.

Школа, пройденная нашими мыслителями, сделала их в высшей степени прагматиками и реалистами. Поэтому, размышляя о проблемах общества, они не склонны к абстракциям. Они задаются конкретными вопросами: «Как наш мир стал таким и что мы можем сделать, чтобы его изменить?» И, отвечая на них, приходят к обнадеживающим выводам: каждый из нас может стать успешным и в то же время нравственным человеком.

3

Об отношениях: Конфуций и ритуалы «как будто»

Как вы отнесетесь к утверждению, что игра в прятки с четырехлетним ребенком может кардинально изменить все ваши отношения с людьми и миром? Понятно, что с недоверием. Но на самом деле, когда вы играете в эту игру – когда прячетесь в шкафу и выставляете в дверь ногу, чтобы малыш легче вас нашел, когда он заливается радостным смехом, обнаружив вас, и когда вы охотно повторяете все снова и снова, – вы не просто дурачитесь. Исполняя необычные для себя роли, вы с ребенком совершаете ритуал, создающий новую реальность.

Звучит парадоксально, ведь в нашем представлении ритуал – это жесткий свод правил и требований, напрочь лишенный гибкости и импровизации. Но одно из направлений классической мысли, у истоков которого стоит Конфуций, предлагает совершенно иное видение ритуала и его возможностей.

Конфуций, живший с 551 по 479 год до н. э., был первым великим философом Китая. Секрет его колоссального и долгосрочного влияния не в глобальности идей, а в их обманчивой простоте, в том, как они переворачивают с ног на голову все наши представления о самопознании и жизни в обществе.

Возьмем, к примеру, фразу из десятой главы «Лунь юя» – сборника бесед и суждений, составленного после смерти Конфуция его учениками:

«Если циновка была постлана неправильно, он не садился».

Или такую:

«Во время еды он не вступал в беседу»¹.

Не совсем то, чего вы ожидали? Простовато для одного из важнейших текстов в истории человечества?

Приведенные строки не являются чем-то исключительным. Подробным описаниям поступков и высказываний Конфуция в «Лунь юе» отводится видное место. Мы узнаём, насколько высоко Конфуций поднимает локти. Видим, как он разговаривает с разными людьми, входя в дом. В мельчайших деталях прослеживаем, как он ведет себя за ужином.

Казалось бы, какая уж тут философия? Кому-то захочется перелистнуть пару страниц, чтобы поскорее добраться до места, где Конфуций говорит что-нибудь действительно важное. Однако для того чтобы понять, почему «Лунь юй» причисляют к величайшим философским трудам, необходимо познакомиться с тем, как Конфуций держался за столом. Нужно знать, как проходили его будни. Эти повседневные детали важны, потому что, как мы вскоре убедимся, именно с их помощью мы можем измениться и стать лучше.

Прямо скажем, не самая распространенная позиция в философии. Практически в любом трактате или курсе лекций автор без лишних предисловий переходит к таким глобальным вопросам, как: *обладем ли мы свободой воли? В чем смысл жизни? Объективен ли опыт? Что есть мораль?*

У Конфуция был противоположный подход. Вместо того чтобы начинать с глубоких философских проблем, он глубокомысленно задавал один, но фундаментальнейший вопрос:

Как проходит ваша повседневная жизнь?

Для Конфуция все начиналось с этого вопроса – о самом малом и непритязательном. Ответить на который, в отличие от неподъемных вселенских вопросов, способен любой из нас.

¹ Перевод Л. Переломова.

Разобщенный мир

Мы думаем, что люди традиционных культур верили в некий гармонический космос, который диктовал, как им жить, и раз и навсегда определял их социальные роли. По крайней мере, именно такое мнение о Китае сложилось у многих на Западе. Однако на самом деле китайские философы в большинстве своем смотрели на мир совершенно иначе – как на бесконечный ряд разобщенных, беспорядочных столкновений.

В основе этого мировоззрения лежит идея, что все грани человеческой жизни, включая бесконечные взаимодействия между людьми, управляются эмоциями. Вот что сказано в недавно обнаруженном тексте «Природа исходит из судьбы», датированном четвертым веком до н. э.:

Энергия радости и гнева, энергия горя и печали – в этом и есть природа. Она проявляется через взаимодействие с другими вещами и людьми.

Все живое в мире имеет свою природу, иначе говоря, предрасположенность реагировать на внешние раздражители определенным образом. Подобно тому, как цветам свойственно поворачиваться за солнцем, а птицам и бабочкам – искать цветы, природа человека тоже определяет его склонности. Мы склонны эмоционально реагировать на других людей.

Мы даже не замечаем, с каким постоянством из нас выманивают эмоции. Наши чувства колеблются в зависимости от того, с чем мы сталкиваемся. При встрече с приятным мы получаем удовольствие; страшное нас пугает. Нездоровые отношения повергают в уныние, спор с коллегой злит, соперничество с другом возбуждает зависть. Мы отмечаем, что испытываем одни эмоции чаще других, и тогда наша реакция входит в привычку.

В этом и состоит жизнь: каждую секунду люди сталкиваются друг с другом, реагируют бесконечным количеством способов и мечутся между полюсами эмоций. Никому не уйти от этого, ни ребенку в песочнице, ни лидеру великой нации. Каждое событие обусловлено эмоциональными переживаниями. Получается, наша жизнь сродни броуновскому движению, когда люди постоянно натывают друг на друга и выдают пассивные реакции, а живем мы в разобщенном мире, где нас бросает от одного события к другому безо всякого смысла.

Впрочем, не все так безнадежно: в ходе этих бесконечных столкновений мы можем облагораживать свою реакцию и создавать очаги порядка. Авторы текста «Природа исходит из судьбы» призывают переходить из состояния, в котором наша эмоциональная реакция произвольна и бессистемна («цин»), к состоянию, когда мы способны реагировать культурно («и»):

Только тот, кто работает над собой, сумеет хорошо ответить... В начале [жизни] человек отвечает, как велят его чувства, в конце – как велят приличия.

Быть культурным не означает подавлять или контролировать эмоции, ведь способность испытывать их делает нас людьми. Это значит облагораживать чувства, привыкая реагировать на окружающих любезнее. Со временем такие привычки становятся частью нас. И вместо того чтобы выплескивать на собеседника непосредственную эмоциональную реакцию, мы общаемся с ним так, как привыкли. Научиться этому помогает ритуал.

Обычаи и ритуалы

У большинства из нас есть свои «ритуалы». Чашка ли это кофе по утрам, семейный ли ужин, романтические свидания по пятницам или катание малышей на закорках перед сном, мы считаем такие моменты важными, потому что они придают нашей жизни цельность и смысл и сближают с любимыми людьми.

Конфуций, пожалуй, согласился бы отнести их к потенциальным ритуалам. Однако ученикам он подробно объяснял, что следует считать ритуалами в полном смысле этого слова и почему они важны.

Возьмем простую ситуацию, которая повторяется у нас десятки раз в день:

– Привет! Как дела?

– Хорошо! А у тебя?

Мимолетный контакт, после которого каждый идет своей дорогой.

Или, допустим, коллега представляет вам новичка:

– Приятно познакомиться.

Вы пожимаете руки и дружелюбно болтаете о погоде или о каком-нибудь недавнем событии.

Или же в продуктовом магазине вам встречается близкий друг. Вы бросаете тележки и обнимаетесь.

– Как жизнь? Как дети?

В короткой, но оживленной беседе вы обмениваетесь новостями, обещаете как-нибудь обратиться попить кофе и расходитесь.

С разными людьми мы говорим по-разному. Приветствия, вопросы, интонация. Как правило, мы подбираем все это неосознанно. Наше поведение, построение фраз и даже лексика меняются в зависимости от того, кто перед нами: близкий друг, знакомый, человек, которого мы впервые видим, мама, тесть, босс, тренер или преподаватель музыки, который учит нашего ребенка играть на фортепиано. Мы подстраиваем манеру общения под конкретного собеседника, потому что в нашем обществе так принято. А поскольку мы целый день общаемся с разными людьми и попадаем в разные ситуации, то и модель нашего поведения непрерывно меняется.

Разумеется, ни для кого из философов не секрет, что в разных ситуациях мы общаемся по-разному и прибегаем к разным интонациям. Но немногие уделяют этому внимание в своей философской системе.

Один из них – Конфуций. Он полагает, что отправной точкой для философии следует считать те действия, которые мы повторяем чаще всего. Мы должны спросить себя, почему предпринимаем эти действия. Они не что иное, как обычаи, принятые в обществе условности. Однако если не все, то некоторые из них можно понимать как ритуал – этому понятию Конфуций дает новое, неожиданное толкование.

Привычка – вторая натура. Мы обрастаем привычками – уступаем дорогу прохожим, повязываем галстук перед собеседованием – и перестаем отдавать себе отчет в подобных мелочах.

Впрочем, даже неосознанные, они могут приносить пользу. Если у нас неважное настроение, то простое «привет», мимоходом брошенное знакомому, способно разорвать цепь негативных эмоций. Когда мы здороваемся с человеком, с которым не ладим, мы поворачиваемся к нему другой, более цивилизованной стороной и ненадолго вырываемся из порочного круга конфликта. В эти короткие мгновения наши отношения с окружающими становятся другими.

Однако зачастую соблюдение условностей становится механическим, и тогда они теряют способность перерастать в ритуал и менять нашу сущность. Бездумно повторяемые действия не помогают нам стать лучше.

Тот, кто хочет измениться, должен понимать, что новые грани открываются, когда мы делаем что-то по-новому. Трансформирующая сила ритуала – в конфуцианском понимании – заключается в том, что он позволяет нам на время преобразиться. Он порождает недолго-

вечную альтернативную реальность, которую мы покидаем уже немного другими. Несколько коротких мгновений мы живем в мире «как будто».

Мир «как будто»

В Древнем Китае считали, что человек – это сумма противоречивых составляющих: разнонаправленных эмоций, бурных энергий и хаотичных сущностей, каждую из которых следует совершенствовать в течение жизни. Но в момент смерти самая опасная энергия человека – гнев и обида оттого, что он уходит, а его близкие остаются, – вырывается на свободу, чтобы потом преследовать живых. Таким образом, в представлении китайцев мир был населен духами покойников, завистливо взирающими на живых. Тем, кто оставался на земле, смерть близкого тоже не приносила ничего хорошего – повергала в глубокое уныние, вызывала растерянность и безотчетный гнев.

Чтобы противостоять этой неуправляемой отрицательной энергии, люди придумали ритуалы, в основе которых лежал культ предков. Смысл их состоял в том, чтобы превратить опасные привидения в благосклонных прародителей. Члены семьи собирались в храме, помещали в бронзовую ритуальную посуду мясо (как правило, свинину) и готовили его на открытом огне. Они призывали духов угощаться дымом, поднимавшимся от жирного мяса, надеясь умилостивить их, вернуть в семью и склонить к роли благожелательных покровителей, витающих над потомками.

Со временем эффект ритуала ослабевал, предки снова превращались в злых духов, и жертвоприношение нужно было повторять.

В «Лунь юе» Конфуция спрашивают о поклонении предкам. Он отвечает, что без этого ритуала никак нельзя обойтись, но участие в нем духов не имеет значения. «Мы приносим жертвы духам, – говорит он, – *как будто* они перед нами». Важно, чтобы мы сами серьезно относились к ритуалу: «Если я не участвую в жертвоприношении, то я *как будто* не приношу жертв»².

Но если мы не уверены в существовании духов, зачем приносить им жертвы?

Отношения с мертвыми могут складываться не менее трудно, чем с живыми. Если отец был суровым, черствым и вспыльчивым, то сыну, который при жизни отвечал ему враждебностью и непослушанием, становится еще больше после его кончины, ведь смерть ставит точку в их истории, лишая всякой надежды на примирение. Правильно исполненный ритуал переносит нас из мира сложных человеческих отношений в другое – ритуальное – пространство, где отношения можно представить идеальными. В этом пространстве неприкаянные духи видятся добрыми покровителями, поэтому живые стараются быть достойными предков. Оставив гнев, зависть и обиду, они устанавливают с мертвыми гораздо лучшие отношения.

Для Конфуция ритуал важен тем, как он влияет на совершающих его людей. Спрашивать, меняет ли он что-то для покойных, означает упускать суть. Родственники приносят жертвы, потому что воображаемое общение с предками меняет *их самих*.

Ритуал помогал живым разобраться и с чувствами, которые они испытывали друг к другу. Смерть всегда перекраивает отношения тех, кто остается жить. Забытое соперничество двух сестер вспыхивает с новой силой; непутевый сын, к вящему недовольству семейства, становится его номинальным главой. Однако в рамках ритуала все они играют новые семейные роли так, будто никаких разногласий нет.

Эффект ритуала был тем сильнее, чем разительнее игра отличалась от реальности. Возьмем, к примеру, один из вариантов обряда, при котором поколения менялись местами. Внук изображал усопшего деда, а собственную роль передавал отцу. Каждому из потомков прихо-

² Перевод В. Кривцова.

дилось поставить себя на место того члена семьи, с которым у него в реальности возникало больше всего трений.

Это типичный мир «как будто»: участники никак не могут спутать ритуальные роли с реальными. И смысл вовсе не в том, чтобы отец научился быть сыном своего сына. Этот обряд помогает живым налаживать отношения с мертвыми и друг с другом.

Безусловно, любой обряд рано или поздно заканчивается. Родственники выходят за порог ритуального пространства и тут же с головой окунаются в сложную реальность. В отношениях снова наступает разлад: сестры вздорят, двоюродные братья ссорятся, отец и сын по-прежнему не находят общего языка.

Поэтому семьи возвращались к ритуалу снова и снова. Достигнутое согласие могло нарушаться, как только они покидали храм, но, благодаря многократному повторению ритуала и воссозданию более здоровых отношений, взаимопонимание между родственниками начинало проявляться и в повседневной жизни.

Ритуал не указывает, как вести себя в реальности. Его идеально упорядоченное пространство никогда не заменит несовершенного мира настоящих отношений. Ритуал работает, потому что роль каждого из участников отличается от той, которую он обычно исполняет. Этот «отрыв» от реальности является ключевым условием, позволяющим участникам начать работать над отношениями. Когда отец примеряет роль сына, это помогает ему понять своего ребенка и стать лучше.

В двадцать первом веке умиротворение духов и жертвоприношения могут показаться чем-то дремучим, однако своей ценности эти ритуалы не утратили. В нашем доме тоже есть привидения: родственник, который вечно раздражает; затаенная злоба, от которой никак не избавиться; прошлое, которое невозможно забыть.

Мы склонны подчинять свое поведение шаблонам и привычкам. Это могут быть социальные условности и обычаи, их мы соблюдаем не задумываясь, например, когда здороваемся или придерживаем кому-то дверь. Или смена поведения, которой мы даже не замечаем, – когда, например, начинаем «ныть», разговаривая с сестрой по телефону, или обиженно молчим вместо того, чтобы спокойно объяснить, что не так. Одни шаблоны полезны, другие не очень. Если человек «верен себе» и ведет себя соответственно, он попадает в ловушку старых привычек, никому ничего не прощает и отсекает себе пути к изменению.

Но мы уже знаем, как бороться с такими шаблонами.

К примеру, когда мы гостим у друга, нам легко подмечать особенности уклада, заведенного в его семье: как у него обнимаются, желая друг другу доброго утра, как по воскресеньям пекут на завтрак блинчики. Эти ритуалы привлекают наше внимание, потому что для нас они внове. Поэтому, приобщаясь к ним в качестве стороннего наблюдателя или даже участника, мы делаем это осознанно, а не механически, как дома.

Путешествия выбивают нас из привычной колеи, позволяя открывать в себе новые грани, и домой мы возвращаемся уже немножко другими людьми.

Почему же тогда мы не занимаемся ритуалами постоянно? Возможно, потому что намеренное насыщение ими «реальной» жизни кажется нам неестественным.

Однако моменты «как будто» могут послужить отправной точкой колоссальных сдвигов.

Вернемся к тому, с чего начинали главу, – к игре в прятки с четырехлетним ребенком. Как она укрепляет отношения? Эта игра как раз и представляет собой ритуал «как будто». Она позволяет меняться местами: малыш, обычно такой беспомощный, оказывается в роли сильного и доказывает свое превосходство тем, что находит взрослого. Взрослый же изображает несмышленища, который не умеет даже толком спрятаться. Разумеется, ребенок знает: взрослый знает, что его видят. Однако ритуальный сценарий требует, чтобы малыш перехитрил взрослого.

Такой обмен ролями нарушает привычный уклад. Малышу он дарит ощущение состоятельности, которое он будет помнить и после окончания игры. А непогрешимый (по крайней мере, в глазах ребенка) взрослый может почувствовать себя слабым и уязвимым. Игра не делает его глупее. Напротив, помогает ему шлифовать тонкие грани своей личности, которые могут пригодиться в других ситуациях: восприимчивость, чуткость, умение легко относиться к жизни и не цепляться за власть.

Главное, чтобы участники понимали, что это игра, что они перешли в альтернативную реальность, где можно воображать себя кем угодно. Если у них получится, то такие моменты, как игра в прятки, не только помогут им построить более теплые и уважительные отношения, но и повлияют на то, какими людьми они станут в будущем. Многократно повторяемые ритуалы разовьют в них качества, которые в конечном итоге улучшат их отношения с окружающими.

Ритуалы «как будто»

Почему мы говорим «пожалуйста» и «спасибо»?

Три века назад структура европейского общества и общественные отношения все еще полностью определялись наследственной иерархией. Если крестьянин говорил с помещиком, он употреблял одни учтивые выражения, а если аристократ снисходил до разговора с крестьянином, то использовал совсем иную лексику.

Когда в больших городах начала развиваться рыночная торговля, представителям разных классов открылись новые пути взаимодействия. Выработались ритуалы, при помощи которых покупатели и продавцы могли вести себя как равные, хотя на самом деле таковыми не являлись. Обмен вежливыми «спасибо» и «пожалуйста» создавал для участников общения пространство, где они могли ощутить некое подобие равенства.

Мы тоже совершаем этот ритуал «как будто». Представьте, что вы сидите за обеденным столом, и ваш сын (или племянник, или внук) требует: «Дай мне соль». Если ребенок маленький, вы решаете, что он еще не научился хорошим манерам, и отвечаете: «Ладно, только что надо сказать еще?..» Или: «А волшебное слово?» Возможно, он ответит не сразу, и тогда вы будете настаивать: «Что еще надо сказать?..» И так до тех пор, пока ребенок не скажет: «*Пожалуйста*, дай мне соль». Вы передадите ему соль, но не оставите его в покое, пока он не произнесет «спасибо».

Зачем мы так делаем? Ведь ребенок ясно дает понять, что эта шарада кажется ему нелепой. Но для него это возможность поучаствовать в ритуале, в котором он как будто обращается к равному себе человеку. Вы делаете это не для того, чтобы запрограммировать ребенка на определенную модель поведения; вы помогаете ему понять, что значит попросить о помощи такого же человека, как он сам, и что значит выразить благодарность за помощь.

Если он просто зазубрит вежливые слова, этого будет недостаточно. Конечно, приспосабливаясь к жизни в обществе, ребенок вначале механически повторяет за взрослыми. Но со временем он начинает понимать смысл того, что делает, и ориентироваться по ситуации. Видя, как люди реагируют на его «пожалуйста» и «спасибо», он определяет, когда этих слов достаточно, а когда лучше работают другие фразы либо смена интонации или выражения лица.

На самом деле дети интуитивно понимают ритуал гораздо лучше большинства взрослых. Они знают, что его ценность в том, что он ненастоящий. Сродни детской игре. Представьте, скажем, что ребенок изображает полицейского, охраняющего магазин, а остальные превращаются в банду грабителей. Все размахивают пистолетами, прячутся за подушками и стреляют. Дети, в отличие от некоторых взрослых, не считают подобные перестрелки насилием. Для них это «войнушка» – игра, вынесенная за рамки действительности. Они прекрасно понимают, что воюют не по-настоящему, и возвращаются к этой игре, потому что в ней можно преодолевать

ограничения обычной жизни и развивать в себе новые качества: бороться со страхами и тревогами или примерять на себя роль спасителя и героя, – и все это в безопасном придуманном мире.

Если родители рассказывали нам в детстве о Санта-Клаусе, это тоже был ритуал «как будто». Мы всей семьей участвовали в реальности, где Санта с огромным мешком игрушек за плечами спускается в комнату по дымоходу. В последние недели перед Рождеством дети пишут послания, составляют списки и стараются показать себя с лучшей стороны. В сочельник они ставят под елку стакан молока и тарелку печенья. Взрослые и дети постарше прилагают все силы, чтобы эта сказка для малышей не кончалась и в доме царил атмосфера радости. Не так уж важно, существует Санта или нет. Важно, что родные меняют свое поведение к лучшему и семья становится крепче.

В детстве мы все подолгу жили в мирах «как будто», но потом мало-помалу оставляли их, взрослея и проникаясь уверенностью, что нужно быть верными себе. Однако ритуальные пространства у нас все-таки есть. Тот же кабинет психотерапевта, где люди в течение оговоренного промежутка времени рассказывают о своих проблемах. Хотя многие полагают, что эти сеансы полезны, потому что на них мы шаг за шагом добираемся до своего истинного «я», с конфуцианской точки зрения гораздо важнее тот факт, что мы, по сути, устанавливаем ритуальное пространство, где можно играть роли «как будто», невозможные для нас во внешнем мире. Терапия помогает освобождаться от шаблонов, управляющих нашей жизнью, и, благодаря общению врача с пациентом, позволяет вырабатывать новые пути взаимодействия с окружающими.

Однако за порогом кабинета мы неизбежно попадаем в старую колею, и на следующей неделе визит приходится повторять. Бывает, мы годами работаем с психотерапевтом, пробуя с его помощью выходить за привычные рамки. За счет этих повторений мы потихоньку протаптываем новые пути взаимодействия и в конечном итоге становимся другими, гораздо лучшими людьми.

Мы ценим правду, но в личных отношениях на каждом шагу прибегаем ко лжи во спасение, создавая альтернативную реальность. «Ты лучше всех», «Беспокоиться не о чем», «Ты непревзойденно готовишь». Одной из самых популярных в этом ряду является фраза: «Я тебя люблю». Пары, у которых заведено ее повторять, вряд ли ощущают себя по уши влюбленными 24 часа в сутки. Почти наверняка у каждого из них время от времени накапливается целый ворох сложных чувств по отношению к партнеру. Однако их отношения только выигрывают от подобных ритуалов, позволяющих уходить от реальности в воображаемое пространство, где они каждую секунду любят друг друга всей душой. В момент, когда они выражают любовь через ритуал «как будто», они любят *по-настоящему*.

Вспомним десятую главу «Лунь юя», посвященную будням Конфуция. Мыслитель поправлял циновку не просто из любви к порядку. Он понимал, что незначительные, на первый взгляд, мелочи, вроде опрятности места, где вместе с ним будут сидеть люди, складываются в определенную атмосферу, влияние которой трудно переоценить. Современным эквивалентом ритуалу с циновкой может служить наше поведение за ужином. Накрывая на стол, раскладывая салфетки или даже зажигая свечи, мы уходим от рутины и открываем альтернативную действительность для себя и тех, кто рядом с нами. Даже если день выдался тяжелым и в семье были нелады, нет нужды объявлять: «А теперь давайте перестанем ссориться и отдохнем». Ритуал ужина сам по себе подразумевает паузу, позволяющую всем перейти в другой режим.

Однако моменты, когда мы по-конфуциански участвуем в ритуалах, редкость. Стремясь к пресловутой честности, мы позволяем себе действовать «как будто» только в виде исключения. Нам кажется, что это притворство, детские игры. Но Конфуций мог бы резонно указать нам на нашу непоследовательность. Мы не принимаем ритуалов, из-за того что они указывают, как нам себя вести, и при этом бездумно следуем огромному количеству общественных норм

и условностей. Не умея оценить силы ритуалов, мы все равно их выполняем – только механически, как роботы.

Есть люди, которые осознают, насколько это опасно. В нескольких университетских городках модераторы таких проектов, как *Ask Big Questions*, учат студентов настраиваться на создание доверительной атмосферы и формулировать мысли так, чтобы острые дебаты (например, о том, как добиться мира на Ближнем Востоке) не скатывались до уровня «кто кого перекричит». Фактически студенты овладевают ритуалом беседы, сколь бы деланным и искусственным он ни казался: как задавать вопросы, как вовремя остановиться и послушать и как строить свою речь, чтобы она открывала пути к сотрудничеству и прогрессу, а не загоняла собеседника в глухую оборону. Студентам дают инструменты для построения мира «как будто», где они могут отходить от шаблонов (например, не высказывать радикальные эмоциональные мнения), вести себя цивилизованно и лучше ладить друг с другом.

Что, если и нам попытаться преодолеть механическую стадию, на которой застряли столь многие из нас? Подобно ребенку, который учится говорить «спасибо» и «пожалуйста», подобно студентам, которые осваивают новую манеру поведения, чтобы не оставаться глухими к незаурядным идеям, мы бы поняли ценность альтернативных реальностей, ощутили бы разность потенциалов между действительностью и созданными нами очагами порядка. Мы бы приучали себя изо дня в день совершенствовать пути взаимодействия с окружающими.

Подобное толкование ритуала и преобразования в целом может показаться непривычным. Ведь мы привыкли называть ритуалами церемонии – такие, как крещение, свадьба, выпускной вечер, – которые переводят нас из одного статуса (грешное создание, холостяк, студент) в другой (верующий человек, муж, выпускник). Есть «до», есть «после», и есть обряд, знаменующий перемену.

Конфуций понимает преобразование совсем иначе. Он предлагает сосредоточиться не на кардинальных жизненных переломах, а на мелких повторяющихся событиях. Подобно фразе «я тебя люблю», эти моменты «как будто» наполняют наш день точками соприкосновения с окружающими, вызывая вначале незаметные, но в конечном итоге не менее грандиозные сдвиги.

Гибкое «я»

Для того чтобы ритуалы «как будто» могли нас преобразить, мы должны отказаться от концепции истинного «я».

Будь искренним. Будь настоящим. Будь собой. Эти слоганы нового времени побуждают обращать взор внутрь себя. Мы пытаемся докопаться до своей сути и принять ее.

Проблема в том, что, заглядывая в себя, мы видим всего лишь стоп-кадр, ограниченный временем и пространством. Мы читаем книги из разряда «Помоги себе сам», медитируем, ведем дневник, а потом ставим себе диагноз и вешаем ярлык: ***Я свободолюбивый. Я вспыльчивая. Я мечтатель. У меня боязнь близких отношений. В детстве я слишком часто переезжала с места на место, и теперь у меня трудности в общении с новыми людьми. Моя личная жизнь не складывается из-за сложных отношений с отцом.*** Принимая эти стереотипы, мы позволяем им укореняться. Причем навешивание ярлыков начинается с пеленок: этот малыш послушный, а тот с характером. Такие бирки предопределяют наше поведение и решения и становятся самоисполняющимся пророчеством. Как следствие, многие из нас в один прекрасный день обнаруживают, что застряли в узком определении своего «я».

То, что на Западе называют истинным «я», фактически представляет собой совокупность накопленных нами стереотипных реакций на людей и окружающий мир. Например, вы можете сказать: «Я быстро выхожу из себя, потому что у меня вспыльчивый характер». Но гораздо более вероятно, что вы ***стали*** раздражительным из-за того, как в течение многих лет склады-

валось ваше общение с людьми. И это вовсе не значит, что раздражительность у вас в крови. Оставаясь «верными себе», вы просто закрепляете разрушительные эмоциональные шаблоны.

Вспомните, о чем говорится в трактате «Природа исходит из судьбы»: не только наш мир, но и мы сами состоим из множества отдельных элементов. Вместо того чтобы представлять себя единой и неделимой сущностью, которую следует познавать путем самоанализа, мы можем думать о себе как о сложном сочетании эмоций, наклонностей, желаний и черт, зачастую влекущих нас в диаметрально противоположные стороны. В этом случае мы становимся гибкими, избегая опасности «застыть» в одном из моментов своего развития.

Конфуцианский подход состоит в том, чтобы выявлять стереотипы и прилагать усилия к их преодолению. Если вы будете освобождаться от шаблонов – скажем, подавлять зевоту, который вызывают у вас отцовские политические тирады (хотя они вас действительно раздражают); или встречать на пороге жену, пришедшую с работы (хотя вам тяжело оторваться от монитора), – это позволит вам развивать в себе новые качества. Со временем, вместо того чтобы идти на поводу у примитивных эмоциональных позывов, вы усвоите более конструктивные способы взаимодействия с миром. Шаг за шагом вы будете развивать в себе качества, о наличии которых даже не подозревали, и с каждым днем становиться лучше.

Преодоление стереотипов помогает нам понять, что другие люди тоже гибкие. Допустим, у вас натянутые отношения с матерью. Она не одобряет ваших решений и отпускает обидные замечания, призванные, по всей видимости, внушить вам чувство вины. Дошло до того, что вам неприятна сама мысль о встрече с ней и вы вообще ее избегаете. Вы знаете, что с ней будет бесконечно повторяться один и тот же разговор, и у вас опускаются руки.

В большинстве подобных случаев проблема не в том, что у вас несовместимые характеры, и не в том, что матери нравится делать из вас виноватого. Просто ваше общение пошло по накатанной колее: она – сварливая мать, вы – нерадивый отпрыск. Ни вам, ни ей это не нравится, но других вариантов вы не видите.

Выход в том, чтобы признать, что вы, во-первых, попали в заколдованный круг, а во-вторых, способны его разорвать. Помните, что ваша мама не является чем-то статичным и неизменным. Она сложная, многогранная личность. Подумайте, какими словами или поступками можно открыть в ней новые стороны, и потом ведите себя так, словно только их и замечаете. Кроме склонности пилить и поучать, у нее также есть потребность заботиться о своем ребенке или по меньшей мере *чувствовать*, что она о нем заботится. Какими словами или интонациями можно достучаться до ее заботливой грани? Если вы их найдете, то поможете ей войти в новую роль – роль отзывчивой матери, которая поддерживает своего сына.

Возможно, вашей первой реакцией будет возмущение: «Это же притворство! Подавление подлинных чувств! Менять свое поведение только ради того, чтобы открыть в личности матери новую грань? Быть великодушным с человеком, который не вызывает ничего, кроме раздражения?» Однако в основе вашего протеста лежит ошибочное представление о том, что человек должен быть верен своей «сути». Мы постоянно меняемся. Вопрос лишь в том, ведем ли мы себя в соответствии с образом, на котором застыли в данный момент, или действуем так, чтобы нам открывались мириады новых возможностей.

Поиски подлинного «я» бессмысленны – его нет ни в нас, ни в других. Психолог и философ Уильям Джеймс (1842–1910) однажды высказал такую на удивление конфуцианскую мысль: «У человека столько социальных личностей, сколько индивидов признают в нем личность и имеют о ней представление». Каждый из нас совмещает множество ролей, зачастую противоречащих друг другу, и нет единого образа, опираясь на который мы могли бы их координировать. Научить нас этому способна только практика ритуала.

Собственные поведенческие шаблоны и привычки – а вовсе не ритуалы – определяют нашу жизнь и мешают заботиться о других. Однако, наполняя жизнь ритуалами «как будто», мы обретаем способность проявлять доброту к тем, кто рядом с нами. Этот главный принцип называется «жэнь», или человеколюбие.

Значение человеколюбия

Ученики часто спрашивали Конфуция о человеколюбии. И всякий раз он отвечал по-разному, в зависимости от того, кто и в какой ситуации задавал вопрос. Причина в том, что конфуцианское человеколюбие не поддается абстрактному определению. Это умение общаться с людьми; это восприимчивость, позволяющая настраивать свое поведение так, чтобы делать добро окружающим и побуждать их к развитию своих позитивных качеств.

Все, что мы делаем, либо приумножает человеколюбие, либо умалает его. Вероятно, вы обращали внимание, как меняется атмосфера в комнате, как только туда кто-нибудь врывается. А что по вас скользнул хмурый взгляд прохожего, могли и не заметить. Однако этот мимолетный взгляд способен исподволь повлиять на ваше настроение и запустить целый каскад реакций: к концу дня вы будете уже далеко не единственным, кого он изменил. Через вас в сферу его действия попадут другие люди.

Чтобы понять, насколько велико наше влияние на окружающих, попробуйте немного отклониться от своей обычной линии поведения. Проверьте, что будет, если вы смерите гневным взглядом лучшую подругу, жизнерадостно бросите «привет» немногословному руководителю своей компании в лифте или поставите рюкзак на только что освободившееся место в метро в час пик. А потом проведите другой эксперимент: откройте перед незнакомцем дверь, отправьте СМС подруге, у которой не ладится личная жизнь, помогите бабушке перейти скользкое место на тротуаре. Обратите внимание, как эти поступки повлияют на вас и на тех, кто рядом с вами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.